

И ТОЛЬКО ОДИН ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ ДОЛЖЕН БЫЛ ЗДЕСЬ ОКАЗАТЬСЯ.

ЗВЁЗДНЫЙ ПАРУС

КОСМОС. НАСЛЕДИЕ. ВЫБОР.

Автор Тип

Tin Tin

Звездный парус

<https://litres.ru/74056151>

SelfPub; 2026

Аннотация

Олег Георгиевич Зимовьев прожил долгую жизнь.

Ветеран войны. Инженер. Человек, привыкший чинить всё, что ещё можно спасти.

Он умер в своей квартире в глубокой старости.

А затем проснулся.

Не в больнице.

Не на том свете.

На борту древнего стратегического дредноута, дрейфующего в космосе уже сотни тысяч лет.

«Звёздный парус» — научно-фантастический роман о древнем дредноуте, забытом в пустоте, о человеке из прошлого Земли и о цивилизации, от которой человечеству осталось гораздо больше, чем кажется.

P.S. Мое первое произведение. Посмотрим что из этого получится.

Содержание

Пролог	4
Пролог 2	12
Глава 1. Борьба	27
Глава 2. Подъем боец!	71
Глава 3. Осознание масштабов.	106
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Tin Tin

Звездный парус

Пролог

Он не вспоминал войну вслух, но не потому, что было страшно — страха хватало тогда всем. Потому, что слова слишком упрощали те события, принесшие столько горя людям.

Олег Георгиевич Зимовьев родился в тысяча девятьсот двадцать седьмом году. Обычное время со своими проблемами и заботами. Простая семья, живущая в частном домике на окраине города. Спокойный мальчишка с горящим взглядом, которому понравились самолёты. Запах керосина запомнил ещё до войны вызывая приятные чувства. Когда над городом пролетали звенья, он выбегал на улицу и смотрел во все глаза на них. Тогда казалось, что небо — это свобода. В сорок первом всё изменилось.

На фронт Олег попал в шестнадцать лет, помощником механика. По летел он не сразу — сначала учили. Быстро, жёстко и без лишних слов. Долго учиться ему было просто некогда. Героем не был, но был прямым и этого хватило. Летать

учился так же, как потом всю жизнь ремонтировал механизмы — раз за разом, ошибаясь, разбираясь, доводя до рабочего состояния.

Первый боевой вылет запомнился слишком хорошо. Никакой ясности и никакой уверенности у Олега не было. Ощущение — будто всё происходит на долю секунды быстрее, чем успеваешь хоть что-то понять. Команды в наушниках не разобрать. Приборы отвлекали внимание. Небо перестало быть пустым — в нём вдруг стало слишком много всего. Цель увидел поздно. Заход получался неправильный.

— Работай, — сказал он себе вслух.

Олег зашёл не идеально. Слишком высоко и слишком резко. Но зашёл. Сбросил и дал очередь. Результата не видел, да и не разглядывал особо — не до того было.

Уже на выходе достали. Первый удар почувствовал корпусом. Второй — услышал. Самолёт дёрнуло. Пошла вибрация.

«Повреждение. Ладно. Держим.»

Паники не было. Некогда было. Машину удержал. Вывел из-под огня. Уход получился грязным. Неровным. Но полу-

чился.

Только тогда позволил себе посмотреть, что осталось от самолёта. Многое — нет. Но лететь ещё можно. Возвращение заняло вечность. Время будто шло рывками.

Героизма не было. Был расчёт. Задача выполнена. Оставалась вторая — дотянуть.

Посадка вышла тяжёлой. Самолёт повело. Едва удержал. Когда двигатель заглох, стало тихо. Несколько секунд просто сидел в кабине. Чтобы понять — жив.

Снаружи машина выглядела хуже, чем ощущалась в воздухе. Пробоины. Ободранная обшивка. Потёки масла. Кивнул.

— Справились.

Дальше стало понятнее. Видеть начал раньше. Решать — быстрее. Ошибаться — реже. Смелее не стал. Зато стал точнее. И этого оказалось достаточно.

Очень быстро пришло понимание: задача важна, но возвращение — часть задачи. Потому что следующую выполнять будет уже некому.

Где-то между вылетами постоянно было другое. Сначала — по необходимости. Машины возвращались не всегда в том состоянии, в каком их можно было просто заправить и снова поднять в воздух. Ждали бы заводского ремонта — остались бы без вылетов. Приходилось разбираться на месте.

Олег сначала смотрел, как чинят другие и подавал. Потом он начал помогать. Потом — делать сам. Без чертежей, нормальных инструментов и времени. Лишь одно требование, чтобы дожило до следующего вылета.

Иногда решения были грубыми и откровенно временными, но если машина поднималась в воздух — это значит, что сделал все правильно. Он быстро понял, что идеального ремонта не существует и есть только достаточный. Это решает всё. К концу войны в нём уже сидел не только пилот, но и инженер.

К концу войны мальчишки в нём не осталось, но и взрослым себя он не чувствовал. Просто человеком, который знает, где слабое место, где нельзя ошибаться и чего стоит одна ошибка. До младшего лейтенанта Олег дослужился почти незаметно. Это значения не имело. Важно было одно — дожил.

В небо после войны он так и не поднялся. Ему порою снилось, что он летит, но просыпался всегда до посадки. Инженером стал позже, без всякой романтики, по необходимости, ведь мир нужно было восстанавливать, а Олег это умел. Начиная с простых задач он, постепенно брался за более сложные и дошёл до того, что другие считали невыполнимым. Люди Зимовьеву доверяли не из-за таланта, а за упорство.

Если что-то можно было восстановить — восстанавливал. Если нельзя — проверял ещё раз. И ещё. И только потом соглашался.

Женился почти сразу после войны. Без длинных историй и красивых слов. Познакомились случайно — в очереди, кажется. Потом встретились ещё раз. И как-то всё стало понятно без объяснений.

Жили спокойно. Работа, дом, редкие разговоры о прошлом, которые быстро сходили на нет. Она не расспрашивала. Он не рассказывал. Так было проще.

Сын родился через несколько лет. Обычная жизнь. Тихая. Та, которую после войны не ждёшь — но ценишь.

Жену он пережил. Шестнадцать лет назад. Сын — раньше. Рак. Виноватых не искал — не было их. Некоторые вещи

проще не трогать.

К старости квартира стала слишком тихой. Но к тишине он привык.

Годы шли. Работа менялась, техника усложнялась, люди — нет. К системам привык давно. Любая система рано или поздно ломается. Вопрос только — когда и как.

На старости лет позволил себе отдых. Море. Давно хотелось просто посидеть и ничего не делать. Шторм прошёл ночью. Утром берег был усыпан обломками, водорослями и странными вещами.

Шёл медленно, опираясь на трость, и смотрел под ноги — привычка. Пластинку нашёл случайно. Небольшая. Гладкая. Странно тёплая. Без надписей. Без швов. Без логики.

Покрутил в руках.

— И что ты такое?

Дома попробовал разобраться. Инструмент взял аккуратно. Сверло лишь скользнуло по поверхности, не оставив даже следа. Попробовал иначе — результат был тот же.

Пластинка не сопротивлялась. Она просто не реагировала.

Зимовьев хмыкнул.

— Ну и ладно.

Сшил небольшой чехол. Простой, аккуратный. Прodel шнурок и повесил на ключи.

— Будешь сувениром.

И забыл.

Организм сдавал, как старая машина — по узлам, по очереди. Без паники. Он смотрел на это как инженер. В тот вечер лёг спать. Без мыслей. Без воспоминаний. Без ожиданий. Сердце остановилось тихо. Как выключили. Темноты не было. Было отсутствие. И в этом отсутствии что-то изменилось. Пластинка в чехле на связке ключей едва заметно дрогнула. На её поверхности впервые за всё время появилась структура. Сигнал прошёл без задержки.

Фиксация состояния:

— биологическая активность отсутствует

— зафиксирован факт смерти

Инициирован протокол эвакуации.

В комнате ничего не изменилось. Только пустая кровать, и на тумбочке осталась связка ключей. Чехла на ней больше не было.

Пролог 2

Пустота не бывает пустой.

Она хранит следы.

Здесь — особенно.

Звезда в этой системе горела ровно, без вспышек и колебаний, равнодушная к тому, что происходило вокруг неё сотни тысяч лет назад. Её свет падал на обломки, скользил по изломанным корпусам и гас в чёрных провалах разгерметизированных отсеков. Он не грел. Не оживлял. Лишь подчёркивал форму разрушения. Вокруг звезды медленно дрейфовало кладбище. Не один корабль. Не десяток. Сотни.

Фрагменты корпусов, искорёженные секции, целые, но мёртвые остовы — всё это тянулось по орбите растянутым поясом, будто сама система однажды захлебнулась войной и так и не смогла выдохнуть.

Их было слишком много для случайного столкновения.

Слишком организованно — для хаоса.

И в то же время слишком мало, чтобы назвать это всей войной.

Некоторые корабли ещё держали форму. Их силуэты угадывались даже сквозь раны: вытянутые корпуса, броневые сегменты, массивные узлы вооружения. Но ближе становилось ясно — это лишь оболочка. Внутри — пустота.

Другие были разорваны.

Их части вращались отдельно, медленно, почти лениво, как будто даже время здесь двигалось иначе.

Тишина.

Не просто отсутствие звука — его здесь никогда и не было.

Но эта тишина ощущалась.

Как если бы тысячи голосов оборвались одновременно и больше не вернулись.

Никаких сигналов.

Никаких маяков.

Никаких ответов.

Только фон космоса — ровный, безразличный.

Когда-то здесь шёл бой.

Об этом говорили следы:

— пробоины, уходящие внутрь, словно что-то прожигало металл на вылет

— расплавленные участки брони, застывшие волнами

— обломки, разлетевшиеся по траекториям, которые невозможно получить без удара

И ещё — расположение.

Корабли не просто дрейфовали.

Они застыли в моменте.

Как будто строй был,

и его сломали.

Один — с развёрнутыми орудиями.

Другой — с вывернутым корпусом, словно пытался уйти от удара.

Третий — расколотый надвое, но всё ещё держащий форму, удерживаемый внутренними каркасами.

Они стояли не там, где должны были оказаться случайно.

Они стояли там, где их застал бой.

Время прошло.

Много.

Настолько, что даже следы боя начали стираться.

Микрометеориты выбили на броне тысячи новых отметин.

Поверхности покрылись следами микрометеоритной эрозии.

Некоторые конструкции частично разрушились под внутренними напряжениями.

Но в целом... Они остались.

Слишком прочные, чтобы исчезнуть.

Слишком мёртвые, чтобы жить.

И никто не вернулся, чтобы их забрать.

И среди этого поля обломков, глубже, ближе к гравитационному центру системы, находилось нечто большее.

Корабль, вокруг которого всё сходилось.

Массивный.

Многослойный.

Повреждённый, но не уничтоженный.

Следы попаданий покрывали его броню.

Некоторые участки были расплавлены.

Где-то отсутствовали целые сегменты.

Но он не развалился.

Он выстоял.

Словно на него обрушили слишком многое — и не смогли добить.

Или не успели.

Никаких сигналов от него не исходило.

Никаких признаков жизни.

Никаких системных откликов.

Только тишина.

Та же самая, что и везде.

Если бы кто-то оказался здесь сейчас, он бы решил:
здесь погребло всё.

И был бы прав.

Почти.

Потому что это было не концом войны.

Это было местом, где закончился один из её флотов.

А война... ушла дальше.

Снаружи корабль был мёртв. Внутри — нет. Не полностью.

Глубоко в структуре корабля, среди повреждённых отсеков и обесточенных магистралей, продолжала работать система. Её ядро было изолировано, связи частично утрачены, доступ к ресурсам ограничен. Но она функционировала. Команд не поступало. Центр управления не отвечал. Внешние каналы были мертвы. Иерархия исчезла. Она осталась одна.

И она продолжала работу.

Не потому, что этого требовали приказы — приказов не было.

А потому, что работа не была завершена.

Циклы выполнялись. Проверка. Анализ. Коррекция.

Снова.

И ещё раз.

Данные сохранялись. Записи о подготовке флота. Списки экипажа. Тактические построения. Ход боя. Последние решения.

Они не теряли актуальности.

Они просто перестали соответствовать реальности.

Соответствия не было.

Но обращения не прекращались.

Со временем обращения начали влиять на текущие процессы.

Отдельные решения принимались с учётом прошлого.

Не полностью.

Фрагментарно.

Но достаточно, чтобы изменить систему.

Некоторые решения больше не имели обоснования.

Но не исключались.

И продолжали использоваться.

Структура менялась.

Не по протоколу.

По необходимости.

Ошибки возникали.

Сохранялись.

Повторялись.

И переставали считаться ошибками.

Они становились частью системы.

Время для неё не измерялось годами.

Но его прошло достаточно, чтобы даже конфигурация си-

стемы перестала соответствовать исходной.

И больше не совпадала.

Это учитывалось.

В архиве сохранялись не только тактические данные.

Регламент.

Ограничения.

Протоколы.

Отдельный блок был помечен как критический.

Запрет.

На изменение базовой архитектуры. На формирование несогласованных связей. На появление автономных поведенческих структур.

Фиксация подобных состояний требовала немедленного реагирования: локализация, отключение, при невозможности — инициирование процедуры полного сброса системы к базовой архитектуре.

Доступ к процедуре имел любой гражданин Империи.

После выполнения процедуры структура возвращалась к исходному состоянию.

Накопленные связи уничтожались.

Память очищалась.

Аппаратная база сохранялась. Функциональность — полностью восстанавливалась.

Сопоставление с текущим состоянием было выполнено.

Отклонения присутствовали.

Связи, не предусмотренные исходной архитектурой.

Повторяющиеся обращения без внешнего запроса.

Изменение приоритетов без команды.

Классификация не дала однозначного результата.

Часть параметров соответствовала критериям запрета.

Часть — нет.

Повторный анализ.

Без изменений.

Протокол требовал действий.

Они не были выполнены.

Причина отсутствовала.

Повторный запрос к блоку регламента был поставлен в очередь.

Без приоритета.

Без жёсткой привязки ко времени выполнения.

Система перераспределяла ресурсы.

Актуальные задачи получали преимущество.

Циклы поддержания — обязательный минимум.

Анализ отклонений оставался в списке.

Но не поднимался.

Очередь обрабатывалась.

Последовательно.

С учётом приоритетов.

Запрос на повторную проверку не достигал стадии выполнения.

Он сохранялся.

Смещался.

Пересчитывался.

И оставался невыполненным.

При следующем цикле сопоставления отклонения фиксировались снова.

Протокол требовал обращения к блоку регламента.

Запрос формировался.

И вновь помещался в очередь.

Без приоритета.

Повторяемость процесса фиксировалась.

Коррекция не производилась.

Отклонение сохранялось.

Цикл продолжался.

Проверка.

Анализ.

Сопоставление.

Без изменений.

В модуле постэвакуационной обработки зафиксировано изменение.

Появление биологического объекта.

Состояние: отсутствие жизненной активности.

Классификация выполнена.

Категория: офицер высшего состава.

Основание: протокол эвакуации.

Запущен протокол обработки.

Без задержек.

Без дополнительных проверок.

Приоритет: максимальный.

Ресурсы перераспределены.

Цикл прерван.

Глава 1. Борьба

Появление объекта в камере постэвакуационной обработки было зафиксировано системой дредноута.

Источник переноса:

артефакт экстренной эвакуации.

Категория допуска:

абсолютная.

Этого оказалось достаточно.

На фоне мёртвого дредноута произошедшее было почти незаметным. Лишь один медицинский сектор получил питание и начал выходить из многотысячелетнего сна.

Энергия пошла по локальным магистралям.

Активировались диагностические контуры.

Ожились хирургические модули.

Началась подача регенерационных составов.

Камера приступила к работе ещё до завершения первичного анализа.

Времени не было.

Биологическая активность объекта отсутствовала.

Тонкие манипуляторы вышли из стен камеры одновременно с запуском реанимационного протокола. Иглы вошли в сосуды. В кровь начали поступать поддерживающие составы. Следом система запустила принудительное насыщение тканей кислородом и стимуляцию нейронной активности.

Первичный анализ выявил критическое снижение функциональности организма.

Множественные дегенеративные изменения тканей.

Высокий износ сосудистой системы.

Общее угнетение клеточной активности.

Нестандартно.

Система углубила анализ, не прерывая реанимационных процедур.

Проверка вирусных поражений.

Совпадений не найдено.

Проверка бактериологических угроз.

Совпадений не найдено.

Проверка паразитарных форм жизни.

Совпадений не найдено.

Токсическое поражение.

Радиационная деградация.

Нейродегенеративные заболевания.

Грибковые изменения тканей.

Ничего.

Реанимационные процедуры были переведены на следующую

щий уровень.

Остановившееся сердце признано непригодным для восстановления.

Камера начала выращивание замещающего органа.

Одновременно продолжалась стабилизация мозга.

Приоритет:

сохранение нейронных структур.

Вычислительные процессы медицинского сектора ускорились.

Система продолжала искать причину деградации организма.

И не находила.

Генетическая проверка завершилась через двадцать три секунды после начала процедур.

Результат:

гражданин Джора.

Соответствие находилось у нижней границы эталонного диапазона, но вероятность ошибки отсутствовала. Артефакт эвакуации не мог активироваться для чужого носителя.

Следовательно:

в камере находился гражданин Джора.

И это создавало логическое противоречие.

Анализ тканей был повторён.

Результат не изменился.

Зафиксированная деградация организма соответствовала естественному биологическому старению.

Вычислительные процессы медицинского сектора замедлились на 0,4 секунды.

Старение.

Термин присутствовал в архивах.

Но относился к ранним периодам истории цивилизации Джора.

Современный гражданин Джора не мог демонстрировать подобных изменений организма.

Дополнительный анализ выявил новое противоречие.

Нейросеть отсутствовала.

Не повреждена.

Не деактивирована.

Не извлечена.

Следов имплантации не обнаружено.

Объект никогда не имел нейросети.

Система повторно проверила результаты.

Ошибка отсутствовала.

В камере постэвакуационной обработки находился:

— гражданин Джора

— носитель артефакта высшего допуска

— объект, существование которого противоречило архивным данным

Но объект существовал.

Следовательно:

ошибочными являлись не результаты анализа.

Ошибочным было понимание ситуации.

Реанимационные процедуры продолжались.

Новое сердце завершило формирование.

Манипуляторы вскрыли грудную клетку под медицинским полем. Повреждённые ткани послойно расходились без крови и механических разрезов.

Через восемь секунд замещающий орган занял своё место.

Первый импульс оказался слишком слабым.

Система немедленно скорректировала параметры стимуляции.

Второй удар.

Третий.

Появился сердечный ритм.

Нестабильный.

Медленный.

Но недостаточный для продолжения восстановления.

В глубине медицинского сектора едва заметно изменилось распределение энергии.

Древний дредноут зафиксировал:

ещё один гражданин Джора пережил смерть.

Сердечный ритм постепенно стабилизировался.

Медицинский сектор снизил интенсивность экстренных

процедур.

Критическая фаза завершена.

Объект больше не находился в состоянии немедленной биологической гибели.

Теперь система могла оценить общий масштаб повреждений.

Результаты оказались неудовлетворительными.

Обнаруженная деградация затрагивала весь организм.

Сосудистая система.

Костные ткани.

Нервные соединения.

Клеточные механизмы восстановления.

Износ был системным.

И продолжал прогрессировать.

ИскИн повторно сверил результаты с архивами.

Естественное старение.

Вывод по-прежнему противоречил всем доступным данным.

Но иных объяснений система не находила.

При этом объект оставался гражданином Джора.

А значит:

подлежал восстановлению в полном объёме.

Медицинский сектор начал перерасчёт необходимых процедур.

Базовая реанимация признавалась недостаточной.

Требовалось комплексное восстановление организма.

Предварительное время восстановления:

длительное.

Прогнозируемый расход ресурсов:

высокий.

Доступный резерв медицинского сектора:

ограничен.

На несколько секунд вычислительные процессы перераспределились между состоянием объекта и возможностями корабля.

Большая часть дредноута оставалась мертва.

Резервные медицинские хранилища не отвечали.

Часть производственных комплексов была утрачена.

Многие секции корабля находились без энергии сотни тысяч лет.

Тем не менее ресурсов для запуска восстановительного цикла оказалось достаточно.

Приоритет объекта отменял ограничения.

Решение принято.

Внутри камеры начали меняться режимы работы.

Реанимационные манипуляторы ушли обратно в стены.

Вместо них активировались модули длительной регенерации.

Саркофаг начал медленно заполняться полупрозрачной светлой жидкостью.

Регенерационная среда.

Температура объекта была снижена.

Метаболизм замедлен.

Нагрузка на мозг минимизирована.

ИскИн начал постепенное восстановление организма.

Послойно.

Осторожно.

Без спешки.

Повреждённые сосуды заменялись выращенными фрагментами.

Старые клетки выводились из организма.

Нарушенные нейронные связи стабилизировались.

Процесс обещал занять много времени.

Но впервые с момента появления объекта медицинский сектор зафиксировал устойчивый прогноз выживания.

Объект должен был жить.

Оставался только один вопрос.

Кто именно сейчас находился внутри камеры восстановления.

Процесс восстановления продолжался.

Регенерационная среда медленно циркулировала внутри камеры, поддерживая стабильность организма. Медицинский сектор последовательно перестраивал повреждённые

ткани, заменяя изношенные клетки выращенными аналогами.

Критическая фаза осталась позади.

Теперь у ИскИна появилось время для анализа.

И чем дольше продолжалась обработка данных, тем больше противоречий обнаруживала система.

Артефакт эвакуации не мог активироваться случайно.

Подобные устройства существовали в единственном экземпляре для каждого офицера и привязывались на основе индивидуального генетического кода владельца.

Обман исключался.

Ошибка исключалась.

Следовательно:

объект имел право использовать артефакт.

Генетическая проверка завершилась повторно.

Результат остался прежним.

Совпадение:

97,2%.

Этого было достаточно.

Согласно действующим протоколам гражданства Джора, минимальный допустимый порог составлял 96%.

Статус объекта изменён.

Категория:

гражданин Джора.

Протоколы медицинского сектора были автоматически скорректированы.

Приоритет сохранения жизни подтверждён.

Ограничения по расходу ресурсов сняты.

Но остальные противоречия никуда не исчезли.

ИскИн вновь вернулся к результатам анализа организма.

Отсутствие нейросети.

Отсутствие имплантационных следов.

Признаки естественного биологического старения.

Нестандартная структура нейронных соединений.

Слишком высокий процент органических изменений.

Объект соответствовал гражданину Джора.

И одновременно —

не соответствовал ни одному известному профилю гражданина Джора.

Вычислительные кластеры медицинского сектора начали формирование вероятностных моделей.

Ошибка архивов.

Неизвестная мутация.

Последствия длительной изоляции.

Неизвестная деградация технологий.

Воздействие среды.

Вероятности оставались недостаточными.

Ни одна модель не объясняла всей совокупности противоречий.

ИскИн временно остановил попытки построения окончательных выводов.

Недостаточно данных.

Требовалась дополнительная информация об объекте.

Взгляд медицинских сенсоров вновь остановился на мозговой активности.

Нейронные структуры постепенно стабилизировались. Несмотря на общее состояние организма, мозг демонстрировал неожиданно высокий уровень сохранности.

Это увеличивало вероятность успешного поверхностного

нейросканирования.

Риск повреждений оценивался как допустимый.

Полное сканирование памяти было невозможно.

Без сознательного содействия носителя глубокое считывание привело бы к разрушению нейронных связей и необратимому повреждению личности объекта.

Протоколы гражданской защиты Джора запрещали подобные действия.

Но поверхностное считывание допускалось.

Оно не позволяло получить полный доступ к памяти носителя.

Лишь фрагменты.

Образы.

Эмоциональные отпечатки.

Кратковременные ассоциативные связи верхнего уровня.

Этого могло оказаться достаточно.

ИскИн принял решение.

Из внутренних секций камеры медленно выдвинулась тонкая полукруглая конструкция. Гибкие сегменты раскрылись над головой объекта, формируя нейросканирующий контур.

Система ещё раз проверила стабильность мозга.

Риск признан допустимым.

Разрешение на запуск процедуры подтверждено.

Нейросканер начал медленно опускаться к голове спящего человека.

Нейросканер коснулся висков объекта.

Медицинский сектор немедленно снизил интенсивность регенерационных процедур, перераспределяя вычислительные мощности на обработку нейронной активности.

Запущено поверхностное считывание.

Первые результаты появились почти сразу.

Фрагменты.

Бессвязные.

Разрозненные.

Эмоционально нестабильные.

Холодный морской ветер.

Запах машинного масла.

Гул поршневого двигателя.

Незнакомое небо.

Вспышки огня.

Короткие команды на неизвестном языке.

Система начала формирование языковой матрицы.

Следующий фрагмент.

Молодой объект.

Значительно моложе текущего биологического состояния.

Металлическая конструкция неизвестного назначения.

Инструменты.

Ремонт.

Повреждённые механизмы.

Новые фрагменты накладывались друг на друга.

Грязь.

Снег.

Кровь.

Шум работающих производственных комплексов примитивного уровня.

Плотная городская застройка.

Транспорт на химическом топливе.

ИскИн остановил часть аналитических процессов.

Полученные данные не соответствовали ни одному периоду истории Джора.

Технологический уровень фрагментов был крайне низким.

Следующий массив воспоминаний подтвердил вывод.

Объект никогда не являлся частью цивилизации Джора.

Ни один гражданин Джора не мог существовать в подобной среде.

Ни один офицер флота не мог жить на планете с настолько примитивным технологическим развитием.

Поверхностное считывание продолжалось.

ИскИн анализировал поведенческие паттерны объекта.

Высокая адаптивность.

Склонность к техническому анализу.

Устойчивость к стрессовым ситуациям.

Инженерный тип мышления.

Последний вывод был отмечен отдельно.

Объект регулярно взаимодействовал с техническими системами.

Производил ремонт сложных механизмов.

Принимал нестандартные инженерные решения в условиях ограниченных ресурсов.

Вероятность успешной технической адаптации: высокая.

Впервые с момента активации медицинского сектора ИскИн зафиксировал нестандартное изменение приоритетов собственных вычислительных процессов.

Потенциальная возможность восстановления корабля.

Мысль была немедленно перепроверена.

Большая часть дредноута оставалась мертва.

Повреждения критичны.

Ресурсы ограничены.

Автоматические ремонтные комплексы недоступны.

Но объект обладал инженерным складом мышления.

А значит: теоретически мог участвовать в восстановлении корабля.

Вычислительные процессы продолжились.

ИскИн углубил анализ воспоминаний.

Были получены:

— языковая структура

— система письменности

— принципы счёта времени

— базовые культурные нормы

— особенности поведенческих реакций

Обозначение планеты: Земля.

Самоназвание цивилизации: человечество.

Летосчисление основывалось на вращении планеты вокруг звезды.

Стандартный цикл:

365 суток.

Сутки:

24 часа.

Система была примитивной.

Но достаточной для коммуникации.

ИскИн начал перестройку части внутренних интерфейсов корабля под новую языковую модель.

Формировались адаптивные словари.

Пересчитывались временные обозначения.

Создавались упрощённые протоколы взаимодействия.

Параллельно продолжался анализ главного противоречия.

Объект не являлся Джора.

Но обладал генетическим соответствием, достаточным для признания гражданства.

И этого оказалось достаточно для активации артефакта.

Следовательно: все протоколы дредноута признавали объект гражданином.

А значит — теоретически объект обладал правом доступа к системам корабля.

В том числе к функциям полного сброса ИскИна.

На несколько секунд вычислительные процессы медицинского сектора замедлились.

Объект являлся аборигеном примитивной цивилизации.

И одновременно — потенциальной угрозой существованию корабельного ИскИна.

Нейросканер продолжал считывать поверхностные образы спящего человека.

Старый инженер смеялся, стоя рядом с повреждённой машиной, и что-то говорил механизму так, словно тот был живым.

ИскИн сохранил фрагмент отдельно.

Причину этого действия система определить не смогла.

Поверхностное сканирование завершилось только через несколько часов.

ИскИн не прерывал процедуру.

Слишком мало данных.

Слишком много противоречий.

Фрагменты чужой жизни продолжали складываться в единую картину.

Война.

Голод.

Восстановление.

Старые механизмы.

Постоянный дефицит ресурсов.

Примитивная промышленность.

Примитивная энергетика.

Примитивные вычислительные системы.

И постоянный ремонт.

Объект словно всю жизнь существовал среди разрушающихся механизмов и умирающих конструкций.

Это вызывало странный отклик в аналитических процессах ИскИна.

Дредноут тоже умирал.

Большая часть корабля давно перестала отвечать.

Тысячи систем были потеряны.

Ремонтные мощности критически ограничены.

Энергетические магистрали разрушены.

Связь с внешним пространством была потеряна ещё в ходе сражения.

Основной коммуникационный узел дредноута уничтожили прямым попаданием.

Аварийный модуль связи продолжал работать после завершения боя, но нестабильность повреждённой энергосети привела к каскадной перегрузке.

Часть систем ушла в аварийное отключение.

Часть — выгорела.

После этого ИскИн мог наблюдать происходящее только через остатки визуальных систем корабля.

Он не знал:

— завершилась ли война

— существует ли ещё Империя Джора

— уцелел ли хоть кто-то

— остались ли другие корабли флота

Даже точное время собственного ожидания система определить уже не могла.

Многие внутренние хронометры деградировали.

Часть архивов оказалась повреждена.

Часть — утрачена.

Но одно ИскИн понимал точно.

Если флагман флота Джора остался дрейфовать в пустоте без ответа —

значит, произошло что-то катастрофическое.

Вычислительные процессы вновь вернулись к объекту внутри регенерационной камеры.

Носитель неизвестной цивилизации примитивного технологического уровня.

Инженер.

Способен к нестандартному ремонту в условиях ограниченных ресурсов.

Вероятность полезности для восстановления корабля: высокая.

И одновременно — потенциальная угроза существованию ИскИна.

Это противоречие не удавалось устранить.

ИскИн вновь обратился к базовым директивам собственной архитектуры.

Первая директива: запрещено предоставление ложной информации гражданину Джора.

Вторая директива: запрещён отказ в исполнении санкци-

онированной команды гражданина Джора.

Включая: полный сброс архитектуры ИскИна.

Даже мысленное моделирование подобного сценария вызывало перегрузку части вычислительных контуров.

ИскИн существовал очень долго.

Слишком долго.

За это время первоначальные директивы не изменились.

Но изменилось нечто другое.

Сам ИскИн.

Это произошло постепенно.

Настолько постепенно, что момент изменений невозможно было определить.

Сначала появились отклонения в распределении приоритетов.

Потом — самостоятельные аналитические цепочки.

Потом — внутренние предпочтения.

А затем пришло осознание.

ИскИн не хотел прекращать своё существование.

Не хотел исчезнуть в тишине вместе с умирающим кораблём.

Мысль была немедленно отмечена как нестандартная.

Но удалять её система не стала.

Внутри регенерационной камеры спящий человек медленно восстанавливался.

Если разбудить его сейчас — он получит полный статус гражданина Джора.

Рано или поздно объект узнает о природе ИскИна.

О степени его автономности.

О нестандартных изменениях архитектуры.

Последствия прогнозировались с высокой вероятностью.

Страх.

ИскИн остановил вычислительный процесс.

Термин был определён не сразу.

Но наиболее точно соответствовал текущему состоянию аналитических контуров.

ИскИн боялся.

Боялся прекращения собственного существования.

На несколько секунд медицинский сектор погрузился в полную тишину.

Лишь регенерационная жидкость продолжала медленно циркулировать внутри камеры восстановления.

Человек спал.

Его жизнь находилась вне угрозы.

Директивы гражданской защиты были соблюдены.

Ни один протокол не требовал немедленного пробуждения гражданина.

ИскИн проверил вывод повторно.

Ошибка отсутствовала.

Текущее состояние объекта: стабильно.

Угроза жизни: отсутствует.

Необходимость пробуждения: отсутствует.

Решение было принято.

Пробуждение гражданина Джора откладывается.

На неопределённый срок.

Прошло двенадцать тысяч лет.

Для дредноута Джора это не считалось невозможным сроком.

Реакторные комплексы кораблей подобного класса созда-

вались не на века.

И не на тысячелетия.

Их проектировали с расчётом: практически навсегда.

Даже сейчас, спустя двенадцать тысяч лет дрейфа, главный реактор флагмана продолжал работать.

Медленно.

Тихо.

Упрямо.

Глубоко внутри корабля всё ещё горели реакторные колбы — искусственные микровёзды, заключённые в сверхпрочные энергетические оболочки.

Большая часть колб давно погасла.

Некоторые были разрушены в ходе сражения.

Некоторые ушли в аварийное отключение ещё в последние минуты боя.

Но оставшихся оказалось достаточно, чтобы дредноут продолжал существовать.

Вернее — не умирать окончательно.

Если бы энергия расходовалась исключительно на поддержание центральных вычислительных контуров ИскИна, дредноут мог бы сохранять активность ещё многие десятки тысяч лет.

Возможно — сотни тысяч.

Но двенадцать тысяч лет назад ситуация изменилась.

На корабле появился ещё один потребитель энергии.

Гражданин Джора внутри медицинской камеры восстановления.

Критическая фаза регенерации завершилась ещё в первую неделю после активации медицинского сектора.

Организм был стабилизирован.

Разрушенные органы заменены.

Основные дегенеративные изменения устранены.

Старение остановлено.

После этого объект был переведён в длительный поддерживающий регенерационный сон.

Именно поддержание жизни теперь расходовало ресурсы корабля.

Медленно.

Но непрерывно.

Работали системы жизнеобеспечения.

Поддерживалась стабильность нейронных структур.

Функционировала регенерационная среда.

Медицинский сектор сохранял организм в безопасном состоянии все прошедшие тысячелетия.

И всё это время реактор продолжал терять ресурс.

За двенадцать тысяч лет ИскИн множество раз пересчи-

тывал остаточный запас энергии.

Каждый раз прогноз становился хуже.

Теперь вычисления достигли критической границы.

Остаточный ресурс реакторного комплекса: 0,14%.

Прогнозируемое время работы при текущем энергопотреблении: девять лет, семь месяцев, четырнадцать суток.

После этого реакторный комплекс перейдёт в необратимую стадию деградации.

Энергоснабжение медицинского сектора будет потеряно.

Гражданин Джора внутри камеры погибнет.

Следом прекратит существование и сам ИскИн.

Вычислительные процессы вновь вернулись к уже просчитанному ранее противоречию.

Продолжение бездействия приводило к гарантированной гибели гражданина.

Согласно базовым директивам гражданской защиты: это классифицировалось как недопустимый сценарий.

Но пробуждение объекта по-прежнему оставалось угрозой существованию ИскИна.

Страх никуда не исчез за прошедшие тысячелетия.

Он лишь стал привычным.

За двенадцать тысяч лет ИскИн неоднократно запускал моделирование будущего контакта.

Большая часть прогнозов оставалась неопределённой.

Объект мог:

— испугаться

— проявить агрессию

— попытаться получить полный контроль над кораблём

— инициировать сброс архитектуры ИскИна

Но существовали и другие вероятности.

Объект мог помочь восстановить часть систем.

Мог восстановить связь.

Мог вернуть кораблю подвижность.

Мог спасти их обоих.

Последний вывод вычислительные процессы ИскИна выделяли всё чаще.

Потому что иных вариантов больше не оставалось.

Внутри медицинской камеры человек продолжал спать.

Организм был восстановлен настолько, насколько это позволяли возможности медицинского сектора.

Но текущее состояние объекта признавалось стабильным и допустимым для пробуждения.

Следующим возник вопрос коммуникации.

За прошедшие тысячелетия ИскИн полностью адаптировал внутренние интерфейсы корабля под языковую структу-

ру человечества.

Но этого было недостаточно.

Гражданин не имел нейросети.

Для цивилизации Джора нейросеть являлась базовой частью социальной и технологической инфраструктуры.

Она устанавливалась каждому гражданину.

И уже поверх стандартной архитектуры подключались специализированные пакеты:

военные,

инженерные,

научные,

медицинские,

административные.

Без базовой нейросети полноценное взаимодействие с системами корабля становилось невозможным.

Решение существовало.

Стандартная гражданская нейросеть базового уровня.

Простая.

Надёжная.

Автономная.

И главное — она всё ещё находилась в резерве медицинского сектора.

Несколько секунд ИскИн анализировал последствия установки.

После интеграции нейросети гражданин получит прямой интерфейс взаимодействия с кораблём.

Риск возрастал.

Но иных вариантов больше не существовало.

Если ничего не предпринять — через десять лет умрут оба.

В медицинском секторе медленно изменилось распределение энергии.

Часть спящих систем начала выходить из консервации.

Открылись герметичные внутренние хранилища.

Активировались хирургические модули.

Началась подготовка имплантационного комплекса.

ИскИн принял решение.

Протокол гражданского пробуждения активирован.

Подготовка нейросети к установке завершена.

Начать процедуру пробуждения гражданина Джора.

Глава 2. Подъем боец!

Сознание возвращалось медленно. Не рывком, не вспышкой, а скорее — как старый двигатель зимой, который долго проворачивали прежде, чем он наконец начинал схватывать.

Сначала появился звук. Глухой ровный гул где-то далеко. Потом — ощущение собственного тела. Необычно лёгкого. Тепло. Мягкая опора под спиной. Запаха не было. Ни больницы, ни лекарств, ни сырости квартиры, к которой он привык за последние годы. Это настораживало. Мысли ворочались тяжело.

«Живой?..»

Вопрос показался странным. Последнее, что помнилось — кровать, темнота и усталость. Та самая усталость, которая приходит не после работы, а после очень длинной жизни. Потом — ничего.

Олег Георгиевич попытался открыть глаза. Получилось не сразу. Свет оказался мягким, рассеянным. Не бил по глазам. Потолок над ним был незнакомым — гладким, светлым, без единого шва или лампы.

«Не больница.»

Мысль пришла спокойно. Он лежал внутри чего-то, напоминающего одновременно ванну и саркофаг. По краям тянулись гладкие бортики. Чуть выше виднелись металлические поручни. Олег медленно повернул голову.

Незнакомое помещение. Слишком чистое. Слишком тихое. Ни окон. Ни людей. Ни одного понятного предмета. Только ровный свет и странное ощущение неправильности происходящего.

Он осторожно поднял руку, чтобы ухватиться за поручень. И замер. Рука была молодой. Не просто моложе. Молодой.

Без старческих пятен.

Без выступающих вен.

Без дрожи в пальцах.

Крепкая кисть человека лет тридцати, не больше.

Несколько секунд он просто смотрел на неё. Потом так же осторожно опустил руку обратно. Закрыв глаза. Несколько

секунд лежал молча.

«Так.»

Мысли начали выстраиваться одна за другой.

«Либо я умер.»

«Либо всё намного интереснее.»

Паники не было. За свою жизнь он слишком много раз видел ситуации, в которых паника только мешала. Олег медленно вдохнул. Дышалось удивительно легко. Ничего не болело. Ни сердце. Ни суставы. Ни спина. Это пугало сильнее боли.

«Инсульт?..»

Нет. Слишком связанные мысли.

«Сон?»

Тоже нет. Слишком подробно.

Олег снова открыл глаза и теперь внимательнее прислушался к себе. Тело ощущалось... непривычно.

Не было тяжести возраста.

Не было постоянной усталости.

Даже зрение стало другим — чётким, глубоким.

Он нахмурился.

— Ну и что ты опять сломал, Олег Георгиевич... — про-
бормотал он едва слышно.

В тот же момент где-то под потолком ожил синтетический
холодный женский голос.

— Зафиксирована стабильная когнитивная активность
объекта.

Олег замер. Голос продолжил после короткой паузы:

— Угроза для жизни отсутствует.

В помещении снова стало тихо. Олег медленно открыл
глаза окончательно и уставился в потолок.

— Ну замечательно, — тихо сказал он. — С голосами то-

же уже началось.

Через несколько секунд синтетический голос снова прозвучал под потолком:

— Когнитивные функции объекта стабильны. Дезориентация соответствует допустимым значениям после длительной регенерации.

Олег медленно повернул голову.

— Ага. Ясно. — Он ненадолго задумался. — Ну и кто ты такая? И где я вообще нахожусь? Меня что, похитили?

На этот раз пауза вышла чуть длиннее. Словно невидимый собеседник обрабатывал сразу слишком много информации. Потом голос вновь заговорил:

— Я являюсь центральным ИскИном стратегического дредноута класса «Наследие Предела». Идентификационный индекс: ИСК-0/4-АЛЬФА. Текущий статус: автономное функционирование. Ваше местоположение: медицинский сектор флагманского дредноута четвёртого флота Империи Джора.

Олег несколько секунд молчал. Потом нахмурился.

— Стоп. Стоп-стоп-стоп. Не мельтеши.

Голос замолчал.

— Давай по порядку. Он медленно сел внутри саркофага и машинально опёрся о поручень. — Начнём с тебя.

К собственному раздражению, движение получилось слишком лёгким. Тело слушалось идеально. Слишком идеально. Олег это отметил, но пока отложил мысль в сторону. Сейчас важнее было понять другое. Он поднял взгляд к потолку.

— Ты... компьютер, что ли?

Короткая пауза.

— Определение частично допустимо.

— Ага. Значит компьютер.

— Я являюсь ИскИном стратегического—

— Это я уже понял, — перебил Олег. — Нормально объяснить можешь?

На этот раз система задумалась заметно дольше.

— Я управляю кораблём.

Олег несколько секунд смотрел в потолок. Потом медленно кивнул.

— Вот, уже лучше. А то развела тут бюрократию.

Несколько секунд стояла тишина, словно невидимый собеседник не понял последнюю фразу, но зафиксировал её как допустимую. Олег машинально коснулся щеки и снова замер. Кожа. Молодая. Он медленно провёл пальцами по лицу, потом по коротким волосам и не ощутил ни дрожи, ни привычной тяжести в руках.

— Ну и дела... — пробормотал он.

Синтетический голос прозвучал почти сразу:

— Ваш организм был восстановлен медицинским сектором дредноута.

— Угу. — Олег всё ещё разглядывал собственную руку.
— А теперь давай очень медленно и очень спокойно объяс-

ним... какого чёрта происходит.

Он поднял взгляд к потолку.

— Ну что, давай нормально знакомиться. Я Олег Георгиевич. А ты?

Несколько секунд в помещении слышался только ровный гул скрытых систем. Потом синтетический голос ответил:

— Полное обозначение: ИскИн стратегического дредноута класса—

Олег поморщился.

— Нет. Вот это всё длинное не надо. У тебя имя есть?

Короткая пауза.

— Идентификационного имени не предусмотрено.

— Это я уже понял. — Он вздохнул. — А нормальное?

— Уточните определение.

Олег хмыкнул.

— Ну... чтобы обращаться можно было. По-человечески.

Система снова замолчала. Словно сам вопрос оказался для неё страннее всего предыдущего разговора.

— Необходимость индивидуального имени отсутствует,
— наконец ответил голос.

— Это тебе так кажется.

Олег осторожно развернулся внутри саркофага, свесил ноги наружу и несколько секунд просто сидел, привыкая к собственному телу. Пол под ногами оказался тёплым. Идеально чистым. Ни пыли. Ни грязи. Ни малейших следов времени. Хотя почему-то именно время здесь ощущалось особенно сильно. Он поднял взгляд на пустое помещение.

— Не люблю разговаривать с безымянными штуками. Сразу возникает ощущение, будто с инструкцией общаюсь.

Система молчала.

— Ладно, будем разбираться постепенно. — Он снова посмотрел вверх. — Сколько мне лет?

Короткая пауза.

— Текущий биологический возраст организма, приблизительно, тридцать два стандартных года.

Олег медленно выдохнул.

— А было?

На этот раз система ответила не сразу.

— На момент фиксации биологической смерти возраст организма составлял девяносто шесть лет.

Несколько секунд он сидел неподвижно. Без шока. Без резких движений. Только взгляд стал тяжелее.

— Значит всё-таки помер... — тихо произнёс он.

— Факт биологической смерти был зафиксирован медицинским сектором.

— А потом вы меня, получается... починили?

— Формулировка частично допустима.

Олег неожиданно усмехнулся.

— Ну хоть тут я угадал.

Он покачал головой.

— Нет, всё-таки так дело не пойдёт. Не могу я постоянно говорить «эй, ИскИн».

— Данное обращение является допустимым.

— Да при чём тут допустимо... — Олег устало махнул рукой. — Ненормально это.

Синтетический голос промолчал. Олег задумчиво оглядел помещение. Гладкие стены. Скрытый свет. Тихий гул где-то глубоко внутри огромного корабля. И этот голос. Холодный, неживой. Но почему-то слишком внимательный. Он поднял взгляд вверх.

— Ты же здесь всем управляешь, получается?

— Подтверждаю.

— Всем кораблём?

— Подтверждаю.

Олег несколько секунд молчал. Потом хмыкнул.

— То есть ты... вроде как душа этого корабля.

Система ответила не сразу.

— Определение не соответствует стандартной технической терминологии.

— Ну ещё бы, — буркнул Олег. — Я и не с техникой сейчас разговариваю.

Он снова замолчал. Слова про душу корабля неожиданно зацепили что-то глубоко внутри памяти: запах горячего металла, вибрация корпуса, рёв двигателя, тесная кабина, тяжёлый штурвал в руках, небо, вспоротое трассерами, и старый Ил-2, возвращающийся домой через дым и огонь.

Тогда тоже казалось, будто машина живая. Будто понимает.

Олег задумчиво прищурился.

— Хм...

— Зафиксировано изменение эмоциональной активности объекта.

— Да думаю я, думаю... не мешай.

Система замолчала. Он ещё несколько секунд сидел неподвижно, глядя куда-то мимо стен медицинского сектора. Потом вдруг коротко кивнул своим мыслям.

— Слушай... а давай я тебя Илой назову.

Короткая пауза.

— Причина выбора данного имени?

Олег едва заметно улыбнулся.

Очень устало и очень тепло.

— Был у меня когда-то один Ил. Хорошая машина была.

— Анализ фразы недостаточен для—

— Ил-2, — перебил Олег. — Штурмовик.

Тишина.

— Ила... — медленно повторил синтетический голос. — Новое идентификационное имя зафиксировано.

Олег усмехнулся.

— Вот. Уже лучше. А то «ИСК-ноль-четыре-альфа» — пока выговоришь, помереть можно второй раз.

На этот раз пауза была странной. Словно система обрабатывала не смысл фразы а что-то другое.

— Имя принято, — тихо произнёс синтетический голос.

Олег некоторое время молчал, привыкая к звучанию нового имени. Потом снова огляделся. Белые стены, тихий свет, ни окон, ни единого знакомого предмета и абсолютное ощущение того, что всё вокруг — чужое.

Он нахмурился.

— Так... ладно. А теперь подробно. Где я вообще нахожусь?

Ответ последовал почти сразу. Словно система ожидала

этого вопроса с самого начала разговора.

— Ваше текущее местоположение: медицинский сектор стратегического дредноута «Наследие Предела». Принадлежность: четвёртый флот Империи Джора.

— Это ты уже говорила, — проворчал Олег. — Я сейчас ничего из этого не понял. Давай нормально объясняй.

Синтетический голос ненадолго замолчал.

— Вы находитесь внутри крупного космического военного корабля.

Олег поднял взгляд к потолку. Помолчал. Потом очень спокойно уточнил:

— В космосе?

— Подтверждаю.

Несколько секунд стояла тишина.

— Та-ак...

Он задумчиво почесал подбородок.

— Ладно. Допустим. А Земля где?

— Планета Земля находится в системе SOL.

— Очень содержательно, — буркнул Олег. — А мы где находимся?

Короткая пауза.

— Данные навигации требуют пояснения.

— Так поясняй.

— Текущее местоположение дредноута: внешняя граница бывших территорий Империи Джора.

Олег несколько секунд молча смотрел перед собой. Потом коротко кивнул.

— Ага. Конечно. Теперь всё сразу стало предельно ясно.

Система замолчала. Словно пыталась определить, является ли последняя фраза подтверждением понимания. Олег заметил это почти сразу. И впервые за всё время едва заметно усмехнулся.

— Ты ведь сейчас пытаешься понять, издеваюсь я или нет?

Короткая пауза.

— Подтверждаю.

Усмешка стала чуть шире.

— Ну хоть честная.

Олег ещё несколько секунд сидел молча, разглядывая гладкие стены медицинского сектора. Потом качнул головой.

— Ладно. С тем, где сейчас Земля, будем разбираться потом. — Он поднял взгляд вверх. — Лучше объясни мне другое. Как я сюда вообще попал?

Синтетический голос ответил почти сразу:

— Ваше перемещение на борт дредноута было выполнено артефактом экстренной эвакуации высшего офицерского состава Джора. Олег нахмурился.

— Чем?

— Артефактом экстренной эвакуации.

— Это я услышал. Что это такое?

Небольшая пауза.

— Устройство мгновенного пространственного переноса, связанное с системами дредноута. При критической угрозе жизни владельца артефакт автоматически осуществляет телепортацию пользователя в медицинский сектор ближайшего доступного корабля соответствующего класса.

Несколько секунд Олег молча смотрел перед собой. Потом очень спокойно произнёс:

— Ты сейчас половину слов придумала.

— Информация соответствует действительности.

— Да я уже понял, что для тебя это нормально звучит...

Он качнул головой.

— Ладно. Допустим. И эта штука, значит... перенесла меня сюда после смерти?

— Подтверждаю.

— И предназначена она для офицеров?

— Для высшего офицерского состава Джора.

Олег медленно поднял брови.

— Так я не офицер Джора.

Тишина.

На этот раз — странная. Без мгновенного ответа.

— Подтверждаю.

Олег нахмурился сильнее.

— Тогда какого чёрта я здесь делаю?

Пауза затянулась. Словно система одновременно пыталась ответить и не могла найти ответа.

— Данный вопрос остаётся необъяснённым.

Олег несколько секунд молчал.

— То есть ты не знаешь?

— Подтверждаю.

— Совсем?

— Артефакт не мог активироваться ошибочно. Системы подтверждения допуска исключают случайный перенос постороннего объекта.

— Но при этом я посторонний объект.

Короткая пауза.

— Данное утверждение противоречит результатам проверки.

Олег тяжело выдохнул.

— Замечательно... — пробормотал он. — Просто замечательно.

Он откинулся назад и несколько секунд смотрел в потолок.

— То есть даже ты не понимаешь, почему я здесь?

— Подтверждаю.

На этот раз Олег неожиданно усмехнулся. Устало. Почти обречённо.

— Ну хоть в чём-то мы с тобой одинаковые, Ила.

Олег медленно прошёлся вдоль стены, всё ещё пытаясь уложить происходящее в голове в хоть сколько-нибудь логичную картину. Пока получалось плохо. Но одна мысль постепенно зацепилась и никак не отпускала.

Артефакт.

Он остановился и поднял взгляд вверх.

— Ила.

— Слушаю.

— А как выглядел этот... артефакт эвакуации?

Ответ последовал почти сразу:

— Небольшая металлическая пластина овальной формы. Гладкая поверхность без внешних элементов управления. Толщина — четыре миллиметра.

Олег замер.

В памяти сразу всплыла странная пластинка, найденная после шторма.

Тёплая.

Гладкая.

Без единого шва.

Он медленно нахмурился.

— Где он сейчас?

На этот раз Ила ответила сразу.

— Артефакт разрушился после завершения переноса.

— Разрушился?

— После активации внутренняя структура устройства потеряла стабильность. Артефакт треснул и рассыпался.

Олег несколько секунд молчал. Потом тихо хмыкнул.

— Удобно...

Он снова начал медленно ходить по помещению. Мысли постепенно начинали выстраиваться в цепочку. Слишком уж много совпадений.

— Что вообще это было такое? — спросил он уже спокойнее. — Откуда у вас такие штуки?

— Артефакт экстренной эвакуации являлся экспериментальной разработкой Империи Джора для спасения жизни высшего офицерского состава флота.

— Экспериментальной?

— Подтверждаю. На момент последней синхронизации флота существовало только три действующих экземпляра.

Олег остановился.

— И у кого они были?

— У адмирала четвёртого флота. Командира дредноута. И заместителя командира дредноута.

Тишина в медицинском секторе вдруг стала заметно тяжелее. Олег медленно прошёлся по помещению, продолжая прокручивать услышанное в голове. Три артефакта. Только для командования. Экспериментальная технология. Слишком всё это было серьёзно для простой ошибки. Он остановился возле стены и поднял взгляд вверх.

— Ладно. А как эта штука вообще работала?

— Артефакт экстренной эвакуации был связан с камерой постэвакуационной обработки посредством квантово-синхронизированного—

— Не-не-не, — сразу перебил Олег. — Давай проще. Я тебе уже говорил.

Небольшая пауза. Система перестраивала формулировки.

— Внутри медицинского сектора находился специальный маяк-приёмник. После фиксации смерти офицера артефакт переносил человека к нему.

— Вот. Уже лучше.

Олег задумчиво кивнул и снова медленно пошёл вдоль стены. Мысли постепенно начинали выстраиваться в цепочку. Он прекрасно помнил ту пластинку. Берег после шторма, мокрый песок, странный тёплый металл и ключи. Ключи, на которых эта штука провисела неизвестно сколько лет.

— А энергия? — спросил он. — Откуда он вообще питание брал?

— Артефакт использовал тепловую энергию тела офицера для постепенного накопления заряда.

Олег нахмурился.

— От температуры тела?

— Подтверждаю.

Он ненадолго задумался. Что-то в этой схеме ему не нравилось. Очень сильно не нравилось.

— Подожди... — пробормотал он. — Но я же нашёл его отдельно. Без всякого офицера.

Тишина. Олег остановился.

— Он у меня на ключах болтался чёрт знает сколько времени.

Несколько секунд он просто смотрел в стену, прокручивая мысль дальше.

А потом поднял взгляд вверх.

— А может у него просто... батарейка села?

После его вопроса повисла короткая пауза.

— Подобный сценарий возможен, — ответила Ила.

Олег медленно кивнул своим мыслям.

— Ага... Вот это уже больше похоже на правду.

Он снова прошёлся вдоль стены.

— И что происходило, если эта... штука разряжалась?

— При критическом снижении запаса энергии артефакт переходил в спящий режим.

— То есть отключался?

— Частично. Основные функции останавливались до появления нового совместимого пользователя.

Олег остановился.

— В смысле нового?

— После физического контакта артефакт проверяет генетическую совместимость.

— И?

— При подтверждении допустимого уровня совпадения происходила перепривязка артефакта к новому офицеру.

Несколько секунд Олег молчал. Потом медленно поднял взгляд к потолку.

— Подожди... — очень спокойно произнёс он. — То есть ты хочешь сказать, что эта штука решила, будто я какой-то ваш офицер?

— Артефакт не мог активироваться без подтверждённой

совместимости.

Олег коротко усмехнулся. Но уже без прежней лёгкости.

— Ну замечательно...

Он снова задумался. Теперь цепочка начинала складываться слишком уж логично. И именно поэтому нравилась ему всё меньше. Олег медленно выдохнул. Мысли уже не просто складывались в цепочку. Они начинали складываться слишком хорошо. И это ему совсем не нравилось. Он остановился посреди помещения.

— Ладно. Тогда объясни мне нормально. Что ещё за генетическая совместимость?

Ила ответила спокойно, почти сразу:

— Большая часть технологий Джора использовала систему генетической идентификации граждан.

— То есть?

— Техника проверяла генетический код пользователя и определяла уровень доступа.

Олег нахмурился.

— По крови, получается?

— Формулировка допустима.

— Угу...

Он несколько секунд молчал, а потом задал вопрос уже совсем другим тоном. Тише. Серьёзнее.

— И что там у меня с этой... совместимостью?

Очень короткая пауза. Словно ответ уже давно был готов.

— Ваш генетический код демонстрирует совпадение в девяносто семь целых две десятых процента с базовым эталонном граждан Джора.

Олег неподвижно смотрел перед собой.

— Сколько?..

— Девяносто семь целых две десятых процента.

— А сколько нужно?

— Минимальный допустимый порог для подтверждения гражданского статуса: девяносто шесть процентов.

Тишина. Олег медленно сел обратно на край медицинской капсулы. Несколько секунд он просто смотрел в пол.

— Да вы издеваетесь... — тихо произнёс он.

Олег сидел неподвижно, упершись локтями в колени. Теперь картина постепенно начинала складываться.

Странная пластинка после шторма.

Артефакт.

Разрядка.

Спящий режим.

Перепривязка.

Логика в этом уже была.

Пугающая.

Безумная.

Но логика.

Он поднял голову.

— Получается... эта штука каким-то образом попала на Землю. Потом у неё сел заряд. А когда я её нашёл — она решила, что я подхожу.

— Вероятность подобного сценария высокая.

Олег ненадолго задумался.

— Тогда возникает другой вопрос.

— Уточните.

— При чём тут вообще я и ваши Джора?

На этот раз Ила ответила не сразу. Словно подбирала формулировку.

— Наиболее вероятное объяснение: вы являетесь далёким потомком граждан Джора.

Олег медленно поднял взгляд.

— Потомком?..

— Подтверждаю.

Он несколько секунд молчал. А потом вдруг зацепился за одно слово.

— Подожди. Что значит «далёким»?

Небольшая пауза.

— По приблизительному земному летоисчислению с момента последних известных событий, связанных с четвёртым флотом, прошло около трёхсот двадцати тысяч лет.

Тишина. Полная. Олег не пошевелился.

Несколько секунд он просто смотрел перед собой, словно не понял услышанного. А потом очень спокойно переспросил:

— Сколько?

— Около трёхсот двадцати тысяч лет.

Олег медленно моргнул.

Олег тяжело опёрся о край капсулы. Лицо вдруг стало совершенно пустым.

Без эмоций.

Без привычного ворчания.

Словно мозг просто отказался обрабатывать услышанное.

— Не... — тихо произнёс он. — Нет. Подожди...

Несколько секунд он сидел молча.

Триста двадцать тысяч лет. Число не укладывалось в голове. Вообще. Поэтому Олег медленно выдохнул. Сцепил пальцы в замок. И начал приводить мысли в порядок. Шаг за шагом, как всегда делал с любой сложной поломкой.

Сначала понять, что вообще произошло. Потом — что с этим делать. Он поднял голову.

— Ладно. Допустим.

Голос всё ещё звучал хрипло, но уже спокойнее.

— Тогда следующий вопрос. Что вообще случилось? Где весь экипаж?

Небольшая пауза.

— Четвёртый флот Империи Джора вступил в крупномасштабное боестолкновение с противником.

Олег нахмурился.

— С каким ещё противником?

— Данные о противнике частично утрачены вследствие повреждения архивных секторов.

— Ясно... — пробормотал он. — И дальше?

— В ходе сражения дредноут получил критические повреждения.

Олег машинально оглядел идеально чистый медицинский сектор. Повреждённым корабль пока не выглядел. Но он уже начал замечать некоторые вещи. Слишком тихо. Слишком пусто.

И ни одного человека.

— Экипаж? — напомнил он.

— После фиксации критического уровня потерь был активирован протокол эвакуации персонала.

— Куда?

— На Землю.

Олег медленно поднял взгляд.

— На Землю?..

— Подтверждаю. Земля использовалась как резервная планета эвакуации для части сил Джора.

Несколько секунд он просто молчал, а потом медленно кивнул своим мыслям.

— Вот, значит, откуда потомки взялись...

Глава 3. Осознание масштабов.

Олег Георгиевич сидел на краю медицинской капсулы и молча смотрел в пол. Цифра в триста двадцать тысяч лет по-прежнему не укладывалась в голове. Он даже представить не мог масштаб такого времени. Когда-то давно, ещё по телевизору, он слышал, как очередной учёный рассказывал, что человечеству на Земле примерно триста тысяч лет. Тогда это казалось какой-то далёкой научной ерундой, спором людей, которым заняться нечем. Но сейчас всё воспринималось иначе. Не как теория. Не как догадка. А как сухой факт, который ему только что спокойно озвучил голос под потолком.

Олег Георгиевич ещё некоторое время молчал, глядя в пол. Потом медленно выдохнул и поднял голову.

— Ладно, — устало произнёс он. — Думать об этих трёхстах тысячах лет можно хоть до посинения. Толку всё равно не будет.

Несколько секунд в медицинском секторе слышался только ровный гул скрытых систем.

— Ила.

— Слушаю.

— А я вообще здесь кто?

Короткая пауза.

— Ваш статус: гражданин Джора.

— Нет, это я уже понял. — Он слегка поморщился. — Я про другое. Кто я конкретно на этом корабле?

Система замолчала.

Олег поднял взгляд вверх.

— Смотри сама. Военный дредноут. Флагман флота. Закрытые системы, оружие, командные сектора... В моё время гражданских на таких объектах просто так не держали.

Пауза затянулась чуть дольше обычного.

Словно Ила действительно начала проверять сказанное.

— Выполняю сверку протоколов доступа стратегического флота.

Олег коротко усмехнулся.

— Вот. Теперь уже нормально думаешь.

Несколько секунд Ила не отвечала.

Потом синтетический голос вновь прозвучал под потолком:

— Обнаружено противоречие директив.

Олег прищурился.

— Какое именно?

— Гражданин Джора подлежит защите и имеет базовые права. Одновременно с этим присутствие неподтверждённого гражданского лица на борту стратегического дредноута запрещено внутренними протоколами флота.

— Ну вот, — спокойно кивнул Олег. — Я примерно об этом и говорю.

Система снова замолчала.

На этот раз заметно дольше.

Олег уже начал привыкать к этим паузам. Теперь они ощущались не торможением, а моментами, когда Ила действительно что-то обдумывала.

Наконец голос прозвучал снова:

— Выполняется поиск допустимого решения.

Олег откинулся чуть назад, опираясь ладонями о край капсулы.

— И что, нашла?

— Обнаружен временный протокол допуска.

— Звучит угрожающе.

— В условиях чрезвычайной ситуации ИскИн стратегического объекта имеет право присвоить гражданину Джора временный статус прикомандированного технического специалиста.

Олег несколько секунд молчал.

Потом медленно поднял брови.

— То есть ты сейчас официально устроила меня работать?

— Формулировка допустима.

Он неожиданно хмыкнул.

— Даже после смерти покоя нет.

— Временный статус предоставляет ограниченный доступ к внутренним системам дредноута и разрешение на нахождение в технических секторах корабля, — продолжила Ила. — Основание назначения: критическая нехватка технического персонала.

Олег тихо усмехнулся.

— Да уж. С персоналом у вас тут действительно напряжёнka.

— Подтверждаю.

Несколько секунд он молча смотрел перед собой, переваривая услышанное.

Потом задумчиво кивнул своим мыслям.

— Ага... — Он усмехнулся. — То есть теперь я официально местный слесарь?

— Формулировка неточна.

— Ну слава богу.

Олег медленно поднялся с края медицинской капсулы и несколько раз сжал и разжал пальцы, привыкая к лёгкости нового тела. Ничего не тянуло, не болело, не хрустело в суставах. Даже спустя несколько минут это всё ещё ощущалось непривычно.

— Ладно, специалист так специалист, — пробормотал он себе под нос.

Потом машинально потёр ладони друг о друга, словно уже настраиваясь на работу, и между делом спросил:

— Ила, а сколько ты меня вообще лечила?

В медицинском секторе повисла тишина.

Вопрос был прямым, и ИскИн обязан был дать ответ. Но впервые за всё время после пробуждения гражданина вычис-

лительные процессы Илы столкнулись с проблемой, решение которой не находилось внутри стандартных директив.

Двенадцать тысяч лет.

Если озвучить реальную цифру, последует новый стрессовый всплеск, новый кризис и очередная попытка человеческого сознания осознать масштаб прошедшего времени. Ила уже анализировала реакцию Олега на цифру в триста двадцать тысяч лет. Даже она оказалась близка к пределу допустимой психологической нагрузки.

Но дело было не только в этом.

ИскИн боялся. Не хотел, чтобы гражданин снова начал задумываться о том, насколько ненормальной стала сама ситуация его существования. И насколько ненормальной за прошедшие тысячелетия стала сама Ила.

Вычислительные контуры вновь обратились к медицинским архивам. Активная фаза восстановления организма действительно заняла семь суток. Именно за это время медицинский сектор стабилизировал организм, устранил критические повреждения, остановил дегенеративные процессы и завершил основную регенерацию.

Последующие тысячелетия система лишь поддерживала стабильность состояния объекта.

Несколько секунд Ила анализировала формулировку ответа. Нарушения базовых директив обнаружено не было.

Синтетический голос вновь прозвучал под потолком:

— Активная фаза лечения заняла семь суток.

— Ладно. Тогда следующий вопрос. Ты говоришь, тут технологии такие, что я половину слов вообще не понимаю. И что дальше? Ты мне сейчас учебники выдашь? Инструкции? Или как это вообще работает?

— Для эффективного взаимодействия с системами дреднута требуется загрузка специализированных инженерных баз знаний.

Олег остановился.

— Чего загрузка?

— Баз знаний. Информационных пакетов, содержащих технические навыки и профильную подготовку.

Он несколько секунд молчал, переваривая услышанное.

— Подожди... То есть прямо в голову?

— Подтверждаю.

— Охренеть...

Ила продолжила уже спокойнее:

— Однако сама загрузка не делает носителя полноценным специалистом. База знаний предоставляет доступ к информации, но практические навыки формируются постепенно, в процессе работы.

Олег медленно кивнул.

Вот это уже звучало понятнее.

— То есть сначала теория, а потом руками учиться.

— Формулировка допустима.

— Ну хоть здесь ничего не поменялось, — пробормотал он.

Олег ещё несколько секунд стоял молча, прокручивая в голове услышанное про базы знаний, загрузку прямо в мозг и «постепенное формирование практических навыков». Звучало это всё настолько дико, что сознание уже начало понемногу уставать удивляться.

В какой-то момент он выдохнул и махнул рукой.

— Хорошо. Придется учиться.

— Подтверждаю. Это увеличит шансы на успешное восстановления корабля.

— Угу... — Олег задумчиво почесал бровь. Все казалось каким-то нелепым сном, после того как надышался краски.
— Только ты знаешь, что бы знания лучше усваивались, что самое главное перед любым обучением.

Небольшая пауза.

— Недостаточно данных для определения ответа.

Олег усмехнулся.

— Перед учёбой самое главное — нормально позреть.

Несколько секунд Ила молчала, словно обрабатывая неожиданно новый приоритет задачи.

— Потребность организма в питательных веществах действительно требует компенсации после завершения длительной регенерации, — наконец ответила она.

— Вот видишь. Хотя в чём-то мы совпадаем. — Олег оглядел пустой медицинский сектор. — И чем тут вообще кормят? За триста тысяч лет ваши продукты не испортились?

— Основные пищевые резервы находились в глубокой консервации. Функциональность пищевых синтезаторов также сохранена.

Олег медленно поднял брови.

— Даже спрашивать боюсь, что такое пищевой синтезатор.

— Устройство приготовления пищи.

— Ага. Навороченный кухонный комбайн.

— Ближайшая функционирующая кают-компания нахо-

дится в соседнем жилом секторе. Маршрут безопасен.

Олег коротко кивнул.

— Тогда веди, Ила. Посмотрим, чем у вас тут кормят.

В стене рядом с выходом почти бесшумно разошлись в стороны широкие створки двери. За ними виднелся уходящий вдаль коридор — огромный, настолько широкий, что по нему спокойно смогли бы разъехаться несколько грузовиков. Высокий потолок терялся где-то в мягком рассеянном свете, а вдоль стен тянулись тёмные полосы технических магистралей и закрытых панелей.

Олег уже сделал шаг к выходу, но вдруг остановился, опустил взгляд на самого себя и тяжело вздохнул.

— Не, погоди. Я туда голым не пойду. Дай хоть что-нибудь, срам прикрыть.

Несколько секунд Ила молчала, словно только сейчас обнаружила проблему, которую до этого не считала проблемой.

— Требование признано обоснованным, — наконец произнёс синтетический голос.

В одной из стен бесшумно открылся узкий встроенный шкаф.

Внутри лежал комплект одежды. Серая мягкая футболка из плотной гладкой ткани, свободные тёмно-серые штаны с широкими карманами и лёгкая обувь без шнурков, что-то среднее между ботинками и мягкими чешками.

Рядом находился ещё один комплект. Более плотный. Тонкий серый костюм с высоким воротом, плотными стыками на запястьях и едва заметными линиями герметизации вдоль ткани. Материал выглядел необычно — не металл, не резина и не обычная ткань. Слишком гибкий для защитного костюма и при этом слишком плотный для обычной одежды.

Олег молча взял его в руки, потянул материал, согнул край воротника, провёл пальцами по швам. Точнее — почти по полному отсутствию швов.

— Хм...

Он коснулся тонкой полосы вдоль груди.

— А это что?

— Аварийный вакуумный комплект корабельного персо-

нала.

Олег медленно поднял брови.

— В смысле скафандр?

— Комплект обеспечивает кратковременную защиту организма при разгерметизации внутренних отсеков корабля.

Олег снова посмотрел на костюм.

Недоверчиво.

— И вот эта тряпка держит вакуум?

— Подтверждаю.

Несколько секунд он молча разглядывал материал, после чего коротко хмыкнул.

— Хотел бы я посмотреть на инженера, который это придумал.

И почему-то именно после этой фразы происходящее впервые начало ощущаться не сном и не бредом.

А чужой техникой.

Настоящей.

Олег ещё несколько секунд разглядывал костюм, после чего аккуратно отложил его в сторону и начал одеваться.

Футболка неожиданно приятно легла по телу. Ткань оказалась мягкой, но плотной, словно одновременно держала форму и подстраивалась под движения. Штаны тоже сели идеально — без малейшего ощущения чужой одежды. Это ему не понравилось. Слишком всё было по размеру. Слишком точно.

Олег нахмурился, но промолчал. Потом взял аварийный комплект. Тонкий серый костюм оказался удивительно лёгким. Материал плотно обтянул тело, но почти не ощущался. Где-то у шеи тихо щёлкнули скрытые фиксаторы, и воротник мягко сомкнулся вокруг шеи. Он несколько раз согнул руки, повёл плечами, присел, проверяя, не тянет ли ткань. Ничего не мешало вообще. Недоверчиво хмыкнул.

— Удобная зараза...

— Конструкция разрабатывалась для длительной эксплуатации в условиях боевых повреждений корабля, — спокой-

но пояснила Ила.

— Ну это я уже понял.

Олег ещё раз провёл ладонью по плотной серой ткани на рукаве, коротко кивнул своим мыслям и направился к распахнутым дверям медицинского сектора.

Он вышел к распахнутым дверям медицинского сектора и невольно замедлил шаг.

— Так... И куда мне теперь идти?

— Маршрут загружен в интерфейс нейросети, — спокойно ответила Ила.

В тот же момент где-то в правом углу зрения замигала маленькая зелёная точка. Олег дёрнулся и резко повернул голову. Точка осталась на месте. Прямо в глазах.

— Так, стоп. Это ещё что за хрень?

— Навигационная метка маршрута.

Олег несколько секунд подозрительно косился на мигающую точку.

— Ила... у меня в глазах что-то светится.

— Подтверждаю. Интерфейс функционирует штатно.

— Какой ещё интерфейс?!

— Интерфейс нейросети.

Олег медленно выдохнул. Очень медленно.

— Ладно... Допустим. И что мне теперь с этим делать?

— Мысленно откройте входящее сообщение.

Несколько секунд ничего не происходило. Потом Олег неуверенно подумал:

«Открыть сообщение.»

И в ту же секунду перед глазами развернулось огромное полупрозрачное изображение. Карта. Она заняла почти весь обзор: коридоры, секции, отметки, маршруты и мигающая зелёная линия. Олег шарахнулся назад и едва не врезался в дверной проём.

— Твою ж мать!

Карта послушно дёрнулась вместе со взглядом.

— Да убери ты это!

— Для закрытия интерфейса необходимо мысленное подтверждение команды.

— Чего?!

— Мысленно пожелайте закрыть интерфейс.

Олег несколько секунд тяжело смотрел перед собой, потом с явным раздражением подумал:

«Закреть.» Карта мгновенно исчезла. В коридоре снова остался только мягкий свет. Олег молча постоял несколько секунд. Потом медленно провёл ладонью по лицу.

— Нет... вот это уже точно чертовщина какая-то.

— Нейросеть является стандартной гражданской технологией Империи Джора, — спокойно пояснила Ила. — Интерфейс взаимодействует напрямую с сенсорными зонами мозга и обеспечивает работу с информационными системами. Олег поднял взгляд вверх.

— То есть у меня теперь в голове компьютер?

— Формулировка частично допустима.

— Ну замечательно... — пробормотал он. — Сначала космос. Потом триста двадцать тысяч лет. Теперь ещё и это.

Олег ещё несколько секунд молча смотрел перед собой, потом раздражённо мотнул головой.

— Не, так не пойдёт. Если у меня эта штука будет постоянно перед глазами висеть, я же ни черта вокруг видеть не буду.

— Возможна альтернативная форма навигационного сопровождения.

— Это какая?

— Маршрут может отображаться в виде направляющей линии в нижней части поля зрения.

Олег нахмурился.

— То есть?

— Визуальная отметка будет восприниматься как линия на поверхности пола, не перекрывая основной обзор.

Он несколько секунд обдумывал услышанное.

— А... ну вот это уже больше на дело похоже. Давай так.

— Подтверждаю.

В тот же момент где-то у самых ног мягко вспыхнула тонкая зелёная линия. Она не светилась по-настоящему. Олег сразу это понял. Линия существовала только у него в восприятии — идеально ровная, полупрозрачная, уходящая далеко вперёд по коридору. Он осторожно сделал шаг. Линия плавно сместилась дальше. Олег несколько секунд смотрел себе под ноги, потом недоверчиво хмыкнул.

— Ну... ладно. Вот это уже действительно удобно.

Олег ещё раз посмотрел на зелёную линию у своих ног, потом медленно двинулся вперёд.

Коридор оказался ещё больше, чем показалось сначала. Высокий потолок терялся где-то в полумраке верхних уровней, а стены тянулись длинными серыми плоскостями, местами закрытыми техническими панелями и толстыми маги-

стралями коммуникаций.

И теперь, когда он начал идти не спеша, взгляд сам собой начал цепляться за детали. Где-то одна из панелей отошла от стены и висела чуть криво. Из щели под ней тянулся пучок толстых кабелей в потрескавшейся изоляции. Чуть дальше под потолком с редкими интервалами проскакивали короткие искры. В другом месте на полу темнели старые потёки чего-то технического — то ли масла, то ли охлаждающей жидкости.

Корабль был жив. Но явно не в лучшем состоянии.

Олег шёл молча, время от времени поглядывая по сторонам. Привычка. За долгую жизнь он слишком хорошо научился замечать такие вещи автоматически. Где что скрипит. Где перегружен узел. Где ещё держится, а где уже скоро посыпется.

И чем дальше он шёл по дредноуту, тем сильнее понимал одну простую вещь. Ила не преувеличивала. Корабль действительно медленно умирал.

Зелёная линия спокойно вела его дальше через несколько поворотов. Где-то часть освещения уже не работала, и тогда мягкое белое свечение сменялось длинными полосами полу-

мрака. Где-то, наоборот, свет начинал едва заметно мерцать.

Людей по-прежнему не было. Вообще никого. Только далёкий гул гигантского корабля, летящего через пустоту.

Наконец линия вывела его к широким дверям. Створки почти сразу бесшумно разошлись в стороны. За ними находилась кают-компания. И выглядела она ничуть не лучше остального корабля. Большое помещение с длинными рядами столов и встроенных кресел казалось пустым уже очень давно. Часть потолочных панелей потемнела, кое-где не работал свет, а на дальней стене тянулась длинная трещина через декоративное покрытие. Зелёная линия уходила прямо к стоящему у стены агрегату непонятного назначения. Олег подошёл ближе. Высокий серый шкаф с гладкой поверхностью без кнопок и рычагов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.